

*Алекс МАНУГЯН,
Рональд Григор СУНИ*

Советский Союз: национализм и внешний мир

В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный авторами на конференции «Нации Советского Союза и американская внешняя политика», которая состоялась в октябре 1990 г. в Нью-Йорке. Как может убедиться читатель, американские ученые дают отличную от принятой у нас интерпретацию развития национализма в Советском Союзе. Однако мы сознательно избегаем хорошо знакомой применительно к таким случаям формулы — «думается, что не со всем сказанным можно согласиться», — полагая, что взгляды могут быть приняты именно в своей целостности, а не путем отделения в них хорошего от плохого, правильного от неправильного, положительного от отрицательного, на чем долгое время настаивала наша официальная идеология. Читатели сами смогут разобраться в прочитанном в соответствии со своей эрудицией и пониманием вещей.

История состоит из сюрпризов и кажущихся необъяснимыми событий. Незнакомое накладывается на неизведанное в силу неких причин, и тогда малоизвестное и отдаленное становится вдруг объектом внимания. То, что может быть названо «синдромом Сараева», т. е. непредвиденный конфликт, возникший как результат неправильно понятых причин, имеющих, однако, неожиданные и далеко идущие последствия, был повторен два с половиной года тому назад, когда десятки тысяч армян стояли на центральной площади Степанакерта, областного центра Нагорного Карабаха, и требовали присоединения к Армении. Первые же манифестации вызвали массовый отклик в Ереване, где сотни тысяч людей вышли на улицы. Единственным результатом этих требований были нападения на армян в Сумгаите, находящемся в соседнем Азербайджане. Важное решение областного Совета Нагорного Карабаха о присоединении его к Армении следует рассматривать не как изолированное и бросающее вызов, а как первый признак разрывающейся хрупкой ткани Союза Советских Республик. Через несколько месяцев администрация Горбачева встретила с подъемом активности прибалтийских народов СССР, а затем и других народов СССР, объединяющихся вокруг программ национального самоопределения. С возникновением массовых национальных движений и устойчивого, тяготения республик к политической автономии, суверенитету и независимости революция сверху, возглавленная Горбачевым, переходит в некон-

---

Манугян А. (Manoogian A.), Сунь Р. Г. (Suny R. G.) — профессора Мичиганского университета (США), специалисты по национальным отношениям в СССР.

тролируемую конфронтацию центрального правительства с растущей социальной революцией снизу. Управляемая демократизация превратилась в массовую антиимперскую борьбу народов Советского Союза, которая, в свою очередь, изменила планы Центра относительно экономических и политических реформ, а также оказала воздействие на военную и внешнеполитическую дееспособность Советского Союза.

КОРНИ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Естественно, что события в Сараеве, Нагорном Карабахе и Прибалтике являются результатом сложного комплекса причин. Тем не менее они имели все-таки элемент неожиданности и явились следствием соединения длительных социальных и культурных процессов с недавними политическими неудачами. Националистически окрашенное социальное, политическое, а также культурное недовольство является не только результатом выхода на поверхность долго подавляемого «естественного», т. е. вечно существующего, национального сознания, но наряду с этим — для многих результатом неоформившихся и неразвитых этнических меньшинств — и результатом долгого процесса национального становления, который шел на протяжении столетий во времена царизма и десятилетий советской власти. В отличие от большинства народов Советского Союза, у грузин и армян существовали древние царства, религии, языки, обычаи и письменные традиции, свидетельствующие об их уникальности. Но только в XIX столетии национальная интеллигенция Грузии и Армении выработала в себе такое понимание своего национального прошлого, которое смогло послужить обоснованием политических притязаний этих республик на автономию или независимость. Будучи заимствованной у Европы периода 1789 г. идеология политического национализма позволила этнической интеллигенции сформировать собственное видение национальной политики, диктуемое традициями своей истории. На Кавказе и западных приграничных землях были созданы новые «воображаемые сообщества», основанные на этнических культурах и языках. Однако лишь с большим трудом их призыв был воспринят крестьянскими массами, составляющими основу этих этнических сообществ¹. Вследствие разрушения за годы революции и гражданской войны существовавших ранее государственных структур и разрыва экономических связей с Центром националисты получили неожиданную, но чреватую опасностью возможность реализовать свои программы. Относительная слабость большевиков перед лицом иностранных интервентов позволила сформироваться на окраинах страны полунезависимым государствам. Однако в 1920—1921 гг. Советы вернули себе значительную часть уступленных территорий (хотя Польша, Финляндия, Прибалтийские республики из западных частей Армении, Белоруссии и Украины оказались чувствительной потерей). Когда после революции и гражданской войны процесс национального строительства возобновился, он был оформлен в виде псевдофедеративного Советского государства, включившего в свой состав отдельные этнические территории. Этот принцип был распространен и на народы востока и юга страны, которые не имели национальной политической традиции.

Обоснованием националистических претензий является то, что этническая культура и общность истории дают народу право контроля над его исторической территорией (независимо от того, представляет ли он демо-

¹ Это представление о нациях, созданных как «воображаемые сообщества», взято из работы Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983. По вопросу «создания» нации смотрите также: Geertz E. *Thought and Change*. London, 1964; Nairn T. *The Break-up of Britain*. London, 1977; Eley G. *Nationalism and Social History*. «Social History», VI, 1 (January 1981), p. 83—107.

графическое большинство в данный момент) и на свободное развитие собственной культуры. Этот принцип, рассматриваемый в эпоху после Вильсона и Ленина в качестве аксиомы, был включен большевиками в их политическую программу, хотя на практике он был скомпрометирован или даже полностью отрицался авторитарным правлением коммунистической партии во имя других принципов, а именно: интернационализма и классовой борьбы. Однако сам принцип территориально-этнической государственности все еще оставался незыблемым с конституционной точки зрения, несмотря на то что экономическая политика стремилась ослабить демографическое господство отдельных наций на их территориях. Наиболее фундаментальное противоречие образовалось между стремлением к «национализации» этнических территорий и политических структур, с одной стороны, и противоположным стремлением к окультуриванию и даже ассимиляции разных национальностей в рамках огромного советского сообщества, т. е. процессом становления советского народа, с другой стороны.

Хотя при Горбачеве уровень этнического самовыражения как бы повышается, и законность прошлой практики коммунистического правления подвергается серьезному сомнению, интеллигенция и общественные деятели выразили свое отношение к национальной проблеме. Обеспокоенность в отношении культурного, демографического и лингвистического упадка связывалась также с состоянием окружающей среды, экономики и злоупотреблениями властей, что является предельно демократизирующим импульсом. Власть должна быть передана народу, который является подлинным выразителем национальных интересов. Почти все большие и малые народы Советского Союза, включая великорусский, пришли к печальному заключению, что их нация находится в опасности и что коммунисты привели их на край пропасти.

Было ли возникновение национальной проблемы просто результатом репрессий и их последующего ослабления или неотъемлемым и естественным стремлением к национальному самовыражению, политическому развитию, чему препятствовали вплоть до эпохи хрущевской «оттепели» и, более радикальной, перестройки Горбачева,— противоречивость этих представлений может быть легко понята. Парадоксально и вопреки ожиданиям коммунистов и большинства западных наблюдателей, но *в Советском Союзе образовались новые нации, более сильные и более сплоченные, чем исторические этнические сообщества, на основе которых они возникли.*

За последние семь десятилетий сложилось по меньшей мере семь основных тенденций, приведших к взрыву этнического национализма.

Во-первых, советский период стал периодом «формирования наций», особенно в Закавказье и Средней Азии. Будучи больше, чем просто высвобождением вечного, естественного, неотъемлемого права национального самоопределения, подавленного при советской власти, новый национализм 80-х годов вышел из исторического опыта, в котором некоторые этнические и религиозные группы стали демографически более сплоченными, выработали новые формы жизнедеятельности, чтобы с их помощью защищать и выражать себя соответствующим образом. Национальное самосознание не только пробуждает, но и вырабатывает способы познания мира и мобилизует нацию.

Во-вторых, советская политика коренизации (использование национальных языков и национальных кадров в управлении национальных округов) даже после того, как она была подорвана сталинским курсом ускоренной индустриализации, увеличила языковые возможности и политизацию нерусского населения в национальных республиках. Создание национального рабочего класса, новоурбанизированного населения,

национальной интеллигенции и этнической политической элиты — все это способствовало более полному развитию статуса нации.

Первым шагом было прикрепление этносов к определенной территории. Ранее многие этнические и религиозные сообщества были в гораздо большей степени огосударствлены или идентифицированы либо по месту жительства, либо, как мусульмане, — с мировым исламским сообществом (умма). Для некоторых этносов, особенно в Средней Азии, создание в начале 20-х годов административных территорий на базе национальности было беспрецедентным явлением в их истории и повлекло за собой четкую политическую и территориальную идентичность, выступившую в качестве альтернативы ранее существовавшей религиозной и племенной солидарности. Следуя сталинскому определению нации, советские власти выдвинули идею национальной территории. Помимо упрощенной привязки к религиозной и этнической культуре, нации оказались прикреплены к определенным территориям: отдельным нациям были предоставлены привилегии, которые в качестве политической меры подтверждали превосходство одних народов над другими. Повсеместно наступает закат космополитизма, кроме некоторых частей РСФСР, и многие ранее многонациональные регионы и города постепенно становятся этнически однородными. В Тбилиси, где до революции демографически и политически преобладали армяне и русские, в 60-х годах образовалось грузинское большинство. В советский период Баку становится городом с преобладающим азербайджанским населением, особенно после того, как в январе 1990 г. в результате приступа националистического безумия значительное по численности армянское меньшинство вместе со многими русскими и евреями было выдворено из города. Ереван, где в конце XIX в. большая часть населения была представлена мусульманами, превратился из маленького городка в чисто армянский город, благодаря репатриации армян из армянской диаспоры на территории СССР.

В-третьих, отношения между Центром и этническими перифериями были, в основном, имперскими, т. е. несправедливыми и основанными на подчинении российскому Центру. Русские почти отождествлялись с советскими, с пролетариями и с ростом всех предоставляемых привилегий; этническая принадлежность определяла степень выгоды или невыгоды положения. После «культурной революции» начала 30-х годов, этническая принадлежность во многом стала представлять гораздо большую важность в советском обществе в социальном плане, чем классовая принадлежность, поскольку обеспечивала доступ к власти и информации, возможность карьеры и т. д.

Хотя национальные кадры были у власти в Азербайджане или Узбекистане (особенно после 1920-х годов, когда национальные кадры коммунистов были немногочисленны), политика, в основном, определялась в Москве, и местные интересы подчинялись всесоюзным целям. Нерусские республики рассматривались скорее как объекты центральной политики, чем как субъекты, способные принимать независимые решения, и это не могло не сказаться на их национальной судьбе. В Казахстане, например, навязанная коллективизация сельского хозяйства привела к потере 40% населения. Кочевое население было насильственно прикреплено к земле, что коренным образом изменило их национальный образ жизни. Индустриальное и сельскохозяйственное развитие, особенно хрущевская программа освоения целинных земель 50-х годов, привело к заселению республики неказахами, и в результате к 1979 г. казахи составили лишь 33% всего населения республики ².

---

² О Казахстане см. O l c u t t M B The Kazakhs Stanford, 1987

В-четвертых, хотя значение этнической идентификации было во многих отношениях усилено, одновременно оно было ограничено и подорвано в других отношениях. В течение многих лет официальная советская политика выступала за сближение и слияние советских народов и создание единой советской культуры. Миграция народов, культивирование политической и интеллектуальной элиты, преобладание русской школы, общий эффект модернизации — все это создало озабоченность утратой национальной идентичности и культуры. Возникло глубокое противоречие между давлением модернизации и государственной политики, способствующей ассимиляции, с одной стороны, и влиянием коренизации и «рениационализации» этнических групп — с другой. Более сильные, сплоченные и сознающие себя нации пришли к пониманию неопределенности своего будущего в той политической системе, в которой они не могли сказать многого о своей судьбе.

Противоречивая советская политика, сочетающая различные исторические уровни развития наций с близостью к доминирующей нации, оказала различное влияние на судьбы народов Советского Союза. Некоторые нации чрезвычайно страдали от русификации, особенно белорусы (в городах Белоруссии не было белорусских школ); другие, как армяне и грузины, испытали на себе слабое воздействие, хотя часто выражали несогласие с политикой двуязычия. Некоторые нации — казахи, эстонцы и латыши — были демографически ослаблены вследствие иммиграции на их территории инонациональных групп, в то время как другие, например армяне, азербайджанцы и грузины, увеличили процент своего населения в республиках.

В-пятых, традиционные культуры противостояли всем преобразующим воздействиям «модернизации» советского типа. Те, что Массел называл «старыми сообществами, основанными на родстве, обычае и вере», выжили, даже когда традиционное управление в них было устранено, религия официально подорвана, а социальное окружение основательно изменено³. В Центральной Азии отсутствие местного пролетариата и ясно выраженных классовых структур заставило власти в 1920-х годах попытаться использовать женщин как «заменитель пролетариата», как импровизированный «класс», усиливающий разкол в традиционных мусульманских обществах. Эксперимент, чрезвычайно дорогостоящий с точки зрения человеческой жизни, в скором времени закончился неудачей — женщины, хотя и отказались от чадры, вернулись к старым обычаям и укладу жизни. «Женщинам, в основном, не удалось выполнить функцию социального класса, поскольку они являлись слоем, не имеющим общности, с различным социальным опытом, интересами, целями и действиями»⁴.

Местные, традиционные социально-культурные системы дореволюционной России, разделенные и небольшие по размеру, были устойчивыми к насильственным новациям извне и обеспечивали возможность отступления перед советским интервенционизмом. В Грузии, например, «чувство беспомощности крестьян перед государством побуждает их замкнуться в себе»⁵. Система родства и недоверие к чужим формируют неофициальный характер разрешения конфликтов. Социализация по-прежнему происходила в семье, и женщины как хранительницы грузинской традиции воспитывали в детях как уважение к ценностям культуры, так и осторожность в отношении внешнего советского мира⁶. Система покровительства, являющаяся в Закавказье основой отношений власти и личности, тща-

---

³ Ibid., p. 83.

⁴ Ibid., 397

⁵ D r a g a d z e T. Rural Families in Soviet Georgia: A Case Study in Ratcha Province, London, New York, 1988, p. 199.

⁶ Ibid., p. 137-138.

тельно поддерживается и адаптируется к требованиям дефицитной экономики⁷.

В-шестых, сама природа советской модернизации создала резкое размежевание не только между нациями, но и внутри них. *Советские экономические и социальные преобразования характеризуются чрезвычайной неоднородностью, результатом чего стало сосуществование более «современного» городского населения с менее мобильным, менее образованным «традиционным» обществом в сельской местности.* Частично это объясняется отсутствием ресурсов, делающим полное преобразование советского общества экономически слишком дорогим; но в то же время такой результат, хотели того или нет,— прямое следствие советской политики. Оказавшись перед необходимостью крупномасштабных экономических перемен и, одновременно, осуществления культурной революции, сталинский режим отошел от более радикальной культурной практики 20-х годов и стал терпимее к «отчетливой неравномерности развития в политической, экономической и социально-культурной сферах — действительно продемонстрировал стремление оставить, если необходимо, стиль жизни предшествующих времен неизменным на неопределенный период времени»⁸. В своем этнографическом исследовании грузинской деревни Т. Драгадзе показывает, что даже коллективизация мало изменила традиционную систему заселения или перераспределения имущества в деревнях Рачи*. Советская практика более способствовала семейному единству, нежели подрывала его. «Советский закон усиливает вековую традицию: сын живет рядом со своими родителями, вблизи домов, принадлежащих его братьям, дядям по линии отца, с первыми двоюродными братьями... В стране семья обеспечивает большую взаимопомощь и требует большей лояльности, чем какой-либо другой институт. Правительство удержалось от вмешательства в эту область, ограничившись кампанией против семейственности и траты больших средств во время семейных праздников»⁹.

В-седьмых, коммунистической партии, хотя она и провозгласила полное решение «национального вопроса» в Советском Союзе, не удалось эффективно решить проблемы многонациональной империи, что, в свою очередь, создало еще и новые трудности. *Большевизм сводил проблемы национальности и этнической культуры к экономическим, не отдавая должного независимой силе этнической культуры.* Хотя и было установлено, что национальности должны быть ликвидированы еще до полной победы коммунизма, большевизм всегда относился с подозрением к национальному самовыражению. В течение всего времени и даже в настоящий момент политика большевиков глубоко непоследовательна, подталкивает, с одной стороны, к развитию наций и расцвету национальных культур, а с другой — способствует идеологическим задачам стирания национальных особенностей, сближения и слияния наций. Режим сохранил полную власть определять, что было допустимым «патриотическим» выражением национальных чувств, а что вредным национализмом, и границы между этими двумя понятиями постоянно сдвигались¹⁰.

В годы Хрущева и Брежнева масштабы допустимого национального выражения значительно расширились, и республиканское руководство укрепило связи своего населения при помощи манипуляции этни-

⁷ Mars G., Altman Y. The Cultural Bases of Soviet Georgia's Second Economy. «Soviet Studies», XXXV, 4 (October 1983), p. 546—560.

⁸ Massel G. J. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919—1929. Princeton, 1974, p. 409.

* Этногеографическая область Грузии.— *Ред.*

⁹ Dragadze T. Family Life in Georgia. «New Society», August 19, 1976.

¹⁰ Massel G. J. Op. cit., p. 60.

ческими символами. В то же самое время ослабление контроля из Центра после смерти Сталина дало возможность местной власти в этнических регионах действовать гораздо более независимо от Москвы. Рост этнических «мафий», сконцентрированных в национальных коммунистических партиях, усилил коррупцию и стал угрожать развитию советской экономики. *Режим сам по себе стал препятствием дальнейшему росту как экономики, так и общества.*

ТЕКУЩИЕ ТРУДНОСТИ И ДИЛЕММЫ ГОРБАЧЕВА

Когда в марте 1985 г. Горбачев пришел к власти, советское государство уже находилось в глубоко ослабленном состоянии. Советский Союз пережил не только годы политического и экономического застоя, но и разрушающее воздействие некомпетентного руководства первой половины 80-х годов. Слабость Центра дала возможность местным этническим и региональным мафиям внутри партийно-государственного аппарата усилить свою власть. Более того, Советский Союз был изолирован на международной арене, завяз в изнуряющей войне в Афганистане и столкнулся с агрессивным и враждебным американским президентом. Для того чтобы запустить двигатель советской экономики и восстановить международное положение страны, Горбачеву прежде всего необходимо было создать политическую базу для своей программы реформ, в том числе и не в самой последней степени в нерусских республиках. «Возможно, самая концентрированная оппозиция руководству Горбачева и его политике, — пишет М. Б. Олкотт, — исходила от партийной и государственной бюрократии национальных республик»¹¹.

Горбачев был поставлен между национальным руководством, противостоящим его реформам, с одной стороны, и интеллектуальными и народными силами — с другой, большинство из которых, преодолев свою подозрительность относительно Кремля, были заинтересованы в общем либерализующем направлении новой политики Москвы. В Закавказье и Средней Азии серия чисток (1985—1988 гг.) устранила высших руководителей почти в каждой республике, и не всегда без сопротивления. В Казахстане отстранение долго находившегося у власти партийного лидера Д. Кунаева и замена его русским Г. Колбиным вызвали в декабре 1986 г. уличные демонстрации. Длительное давление из Центра на армянскую компартию не приводило к желаемому отстранению К. Демирчяна с поста первого секретаря до тех пор, пока не случился карабахский кризис, и Москва вмешалась напрямую. Однако политический контроль в республиках со стороны местной «мафии» едва ли был затронут такими средствами. Когда демократические силы начали действовать, как случилось в Нагорном Карабахе, и привели к возникновению массовых национальных движений в виде народных фронтов, это разорвало на части рамки старой политики и быстро подорвало власть местной коммунистической партии даже там, где руководство было обновлено. Вследствие общей демократизации политической практики, делигитимации правления коммунистической партии в целом и растущей невозможности и беспешности использования Центром силы в осуществлении своей воли («синдром Тбилиси») старые политические классы были постепенно отстранены от власти националистическими движениями.

За последние годы националисты и их союзники стремились оформить в новую политическую силу в одних республиках с большим успехом, чем в других. В Армении панармянское национальное движение взяло

¹¹ O l c u t t M. B. Gorbachevs Nationalities Policy and Central Asia. «Limits to Soviet Power». Lexington, 1989, p. 69—70.

бразды правления в августе 1990 г., успешно провело переговоры с президентом Горбачевым относительно наведения порядка в республике и провозгласило Армению суверенной и независимой. В Азербайджане, находящемся «под советской оккупацией» с января 1990 г., коммунистическая партия, опирающаяся на Советскую Армию, пыталась договориться с идейно близкими элементами в азербайджанском Народном фронте, но две основные политические силы продолжают взирать друг на друга с подозрением. В Грузии религиозные националисты, сгруппированные вокруг З. Гамсахурдия, являются наиболее популярными. Однако политическое движение там чрезвычайно раздроблено.

В связи с растущей слабостью Центра и новой самостоятельностью республик (как и этнических меньшинств внутри республик) Горбачев столкнулся с неразрешимой дилеммой — «жестоким выбором», согласно определению П. Гобля — «либо продолжать свою программу демократизации за счет утери контроля над периферией, либо поддерживать контроль за счет расширения политических мер»¹². И все это на фоне усиливающегося экономического развала.

Рядом с этой дилеммой стоит конфликт между высшим командованием Советской Армии, которое хочет сохранить армию как дисциплинированный многонациональный инструмент государственной политики, и народными и этническими стремлениями к децентрализованной, «национализированной» военной силе, которая не могла бы быть использована для подавления национальных движений. На сентябрьском (1989 г.) пленуме ЦК КПСС по национальному вопросу министр обороны Д. Язов резко осудил «некоторые негативные явления», которые возникли в ряде республик, начали проникать в солдатские и военно-морские казармы, и пожаловался, что на советских военнослужащих приклеен «ярлык оккупационных сил». «Недавно,— сказал он,— были открытые призывы расчленить нашу армию на национальные сегменты». Д. Язов призвал к «эффективным мерам по изучению русского языка в союзных республиках... В прошлом году, однако,— подчеркнул маршал,— число призывников практически без знания русского языка превысило 125 тысяч. Это в 12 раз больше, чем 20 лет назад. Опасная тенденция»¹³.

Не только грузины, азербайджанцы и другие нации хотят, чтобы военные части в их республиках находились под контролем местной власти, чтобы их молодежь служила на территории своих республик, но и русские, как показали волнения в Ставрополе в январе 1990 г., начали оказывать сопротивление посылке своих сыновей в другие республики для урегулирования этнических конфликтов. Жители Центральной Азии и Кавказа считают, что их специально дискриминируют в вооруженных силах, что они часто являются жертвами унижения и дедовщины¹⁴. В Армении и Азербайджане была сформирована народная милиция для защиты этих республик (или своих политических интересов), поскольку там считают, что у них нет достаточной защиты советских вооруженных сил¹⁵. Армия сама заявила о своем несогласии выступать в качестве инструмента урегулирования внутренних социальных и этнических конфликтов.

¹² G o b l e P. Moscow's Nationality Problems in 1989. «Report on the USSR», II, 2 (January 12, 1990), p. 13.

¹³ «Правда», 22 сентября 1989; Current Digest of the Soviet Press, XLI, 40 (November 1, 1989), p. 17; Foye S. Defense Minister Yazov: Friend or Foe of Military Reforms? «Report on the USSR», I, 44 (November 3, 1989), p. 16—17.

¹⁴ S r i t c h l o w J. Uzbek Army Recruits Believed Murdered to Avenge Ferghana Killings. «Report on the USSR», I, 44 (November, 3, 1989), p. 23—25.

¹⁵ В августе и сентябре 1990 г. эти воензированные части были либо обезоружены, либо, как в Армении, присоединены к государственным силам, находящимся под общим руководством вновь созданного некоммунистического правительства.

Столкнувшись с нерусскими нациями, более сильными и сплоченными, чем когда-либо за время советской власти или даже царизма, Горбачев оказался не в состоянии найти достаточно эффективный политический язык для дискуссий по национальному вопросу. Его последним аргументом в 1990 г. во время кризиса вокруг литовской независимости было заявление, что национализм, республиканский суверенитет или выход из Союза самым сильным образом подорвут реформы и позиции самого президента. Так как реальность республиканской независимости возрастает день ото дня, и Москва оказывается неспособной восстановить свой авторитет, *национальные движения стали единственным эффективным идеологическим и политическим выбором для советских народов. Не имеет значения, откуда они произошли и как они стали такими сильными,— важно, как они будут сотрудничать в равенстве и уважении. В обозримом будущем национализм будет преобладающей идеологией как для нерусского, так и для значительного числа русского населения. Коммунисты либо сами придут к тому, что старается сделать Б. Ельцин, либо выйдут из игры. Физические и моральные силы просто не способны обеспечить возврат к Советскому Союзу старого образца.*

С другой стороны, если исходить из того, что национализм есть специфическое политическое явление и что национальности являются продуктами истории в большей мере, чем иные коллективные формы человеческого общества, то следует предположить, что экономические, социальные, политические и культурные элементы, которые содействовали созданию в новое время этих наций, будут продолжать претерпевать определенные изменения. Сводить национализм или этническую агрессивность только к экономическим трудностям было бы грубой ошибкой; следовательно, необходимо изучить сложные связи между богатством, бедностью и другими формами этнического бытия. Естественно, неспособность советской экономики обеспечить «снабжение товарами» способствовала обесцениванию коммунистических планов и обращению к контридеям, прежде всего к национализму. Но как Горбачев выяснил в Вильнюсе, угроза экономического краха была в значительной степени менее убедительна, чем символы и риторика, связанные с национализмом.

После десятилетий игнорирования нерусских народов СССР и отношения к Советскому Союзу как к чему-то немного большему, чем русское этническое государство, западная советология сейчас поражена другой формой близорукости и не способна смотреть и за пределы, и в глубину национализма. Многие западные социологи, журналисты и ученые вслед за самими националистами утверждают, что этнические связи так же сильны, как и классовые, родовые, возрастные. Однако едва ли это можно воспринимать всерьез. Некоторые исследователи националистических движений отмечают в них отсутствие единства и разобщенность на этнические сообщества, что делает проблематичным употребление по отношению к ним таких понятий, как «грузины» или «узбеки». Классовые, родовые, региональные различия, как и различия между городом и деревней и поколениями, проявляются повсюду и только усиливают вызов всеохватывающих националистических выступлений. Время националистов-интеллигентов, этих отважных диссидентов или новоиспеченных патриотов, которые первыми «выходили на баррикады», вероятно, подходит к концу, тогда как другие социальные группы, намного хуже образованные и менее урбанизированные, становятся во главе национальных движений. В Азербайджане, например, первые лидеры Народного фронта в конце 1989 г. сменились другими, которые говорили более воинственным языком не только об армянах, но и о всей привилегированной части населения — интеллигенции, жителях Баку, аппаратчиках,— чье положение казалось незаконным. Позднее интеллигенция освободила себя

от какой-либо ответственности за резню в Баку, обвинив в ней тех, кто сменил ее, и репатриантов из Армении¹⁶.

В Армении интеллигенция в настоящее время успешно разоружила полувоенных оппонентов, а в Грузии националисты страдают излишней фракционностью (по некоторым данным там насчитывается более 100 политических партий). В Центральной Азии неформальные группы и народные фронты появились позднее, чем на Кавказе и в Прибалтике¹⁷. Там видимая интеллектуальная элита, отделенная или находящаяся в оппозиции к более поздним политическим образованиям, существует не так давно. Старый аппарат, несмотря на то что он был дискредитирован публичным разоблачением в коррупции, оказавшимся особенно драматичным в Узбекистане, где этот номенклатурный клан примыкал к семье Брежнева, продолжает твердо оставаться у власти в большинстве республик этого региона.

ВНУТРИ СТРАНЫ И ВО ВНЕШНЕМ МИРЕ

Почти все большие и многие из малых наций на юге Советского Союза имеют диаспору как внутри него, так и во внешнем мире. Национальные границы в СССР, особенно в Центральной Азии, не совпадают (и не могут совпадать) с границами расселения этнически перемешанного населения региона. Узбеки в большом числе живут в Киргизии, таджики — в Узбекистане, особенно в городах, и т. д. Из 6 млн волжских или казанских татар только 1,8 млн проживают в Татарской республике. В Грузии армяне проживают компактно в городах Ахалцихе и Ахалкалаки, значительно их число в Тбилиси и в Абхазии. Многочисленная армянская община, состоящая из образованных и хорошо устроенных профессионалов, проживала до 1990 г. в Баку, не говоря о том, что 75% населения **Нагорного** Карабаха были (и, вероятно, еще есть) армяне. Грузины, известные как ингилы, живут в Азербайджане, а сотни тысяч азербайджанцев насчитывались в Грузии, а также в Армении (до событий в Нагорном Карабахе).

Идея исламского единства, охватывающая более 50 млн советских мусульман, была окончательно подорвана убийствами турок-месхетинцев узбеками в Ферганской долине (июнь 1989 г.), насилиями в Новом Узене (Казахстан), направленными против лезгин, выходцев с Северного Кавказа (июнь 1989 г.), столкновениями вдоль таджикско-киргизской границы (конец лета 1989 г.), в Оше между киргизами и узбеками (июнь 1990 г.). В каждом из этих случаев, так же как и при нападениях на армян и на других «чужаков», подоплекой насилия являются высокий уровень безработицы, отсутствие приличного жилья и затруднения с землей. Экономическая неудовлетворенность в мире, где привилегии и доступ к ним определяются этнически, кристаллизуется вокруг этнических различий.

¹⁶ В большинстве случаев об убийцах было сказано, что они являются азербайджанскими эмигрантами из Армении. См. F u l l e r E. Gorbachev's Dilemma in Azerbaijan. «Report on the USSR», II, 5 (February 2, 1990), p. 14—16, где она пишет: «Не так давно Везиров сообщил, что около полумиллиона азербайджанцев являются безработными. В Баку, в городе с населением в 1,7 млн человек, 68 тыс. семей не имеют приличных удобств и 200 тыс. человек живут в лачугах (самостройках). Они явились, таким образом, изгнанным «подклассом»; который был в числе главных убийц в антиармянских погромах в начале этого месяца (по сообщению чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова, который сам родом из Баку)». Это мнение некоторых азербайджанских интеллигентов нашло свое отражение в статье K e l l e r B. Did Moscow Incite Azerbaijanis? Some See a Plot. «New York Times», February 19, 1990, p. A6, в которой он также приводит слухи о провокации Кремля.

¹⁷ Brown B. The Role of Public Groups in Perestroika in Central Asia. «Report on the USSR», II, 4 (January 26, 1990), p. 20—25.

Одной из серьезных ошибок советской власти стало отделение тюркоговорящих народов от персоговорящих таджиков. Таджикистан, который в 1924 г. был выделен из бывшего Бухарского Ханства, названного Бухарской Народной Советской Республикой (остальная часть отошла к новой Узбекской Советской Социалистической Республике), состоит из 62% таджиков, 23,5% узбеков и 7,6% русских. Четверть всех советских таджиков живут за пределами своей республики, при этом около миллиона таджиков живут в Узбекистане (4,7% населения). Взаимоотношения между таджиками и узбеками всегда были непростыми. Таджики составляют большую часть городского населения Самарканда и Бухары и гордятся своими интеллектуальными традициями, восходящими к досоветским временам, когда персидский язык был основным языком интеллектуального и религиозного обихода в Средней Азии. Молодые таджики особенно верны традициям тюркской культуры и выражают желание поддерживать более тесные культурные связи с Ираном. Следует отметить, что в Узбекистане отсутствуют соответствующие учебные заведения, в то время как в Таджикистане узбеки имеют свои собственные школы¹⁸. Когда в феврале 1990 г. этническое насилие докатилось до Таджикистана, его целью, однако, были армяне, о которых думали, что они осели в Душанбе после погромов в Азербайджане. Имеющиеся экономические и социальные проблемы — нехватка жилья, предпочтение, якобы оказываемое чужим, послужили детонатором для взрыва этнической враждебности.

Армянская диаспора является наиболее разбросанной — от границ соседнего Ирана и Турции (в основном, в Стамбуле) до Лос Анжелеса и Фресно. Большая часть азербайджанского этнического сообщества проживает по ту сторону реки Араке в Иране (в 1989 г. 6 791 тыс. азербайджанцев проживали в Советском Азербайджане, около 8 млн — в Иране и еще 400 тыс. — в Турции). Грузины имеют свое небольшое сообщество на побережье Черного моря в Турции. Многие народы Средней Азии располагают значительными поселениями соплеменников за границей (см. приложение, табл. 1).

Самая драматическая попытка соединиться с соплеменниками по другую сторону границы имела место в конце 1989 г., когда советские азербайджанцы, разрушив пограничные посты и заграждения, стихийно открыли границу в Нахичевани. После нескольких попыток восстановить старый порядок советские пограничные части не препятствовали до января месяца незаконным переходам границы. Инициатива по восстановлению связей с «Южным Азербайджаном» («Северным Ираном»), который был отделен от северной части с 20-х годов XIX в., исходила полностью от советской стороны. Интеллигенция Советского Азербайджана долго питала надежду на соединение с Южным Азербайджаном, что нашло отражение в так называемой «литературе тоски» и даже в попытке создания после второй мировой войны независимой республики в этом регионе, которую поддерживали ведущие писатели¹⁹.

Но иранская сторона не откликнулась на призыв советских азербайджанцев к единению. Али Акбар Рафсанжани посетил Баку в июне 1989 г., и шейх-уль-ислам Аллышукур Паша-заде, духовный лидер советских мусульман-шиитов, совершил визит в Иран, где заключил соглашение с религиозными деятелями относительно обучения советских семинаристов

¹⁸ N a b y E Tajiks Reemphasize Iranian Heritage as Ethnic Pressures Mount in Central Asia. «Report on the USSR», II, 7 (February 16, 1990), p. 20-22; C r i t c h l o w J. Tajik Scholar Describes a Source of Ethnic Discontent. Ibid., II, 8 (February 23, 1990), p. 19—20; C r o w S. Informal Groups in Tajikistan. Will They Have a Role? Ibid., p. 20—21; B r o w n B. Unrest in Tajikistan. Ibid., p. 28—31.

¹⁹ N i s s m a n D. B. The Soviet Union and Iranian Azerbaijan: The Use of Nationalism for Political Penetration. London, 1987.

в иранских медресе. Иранское правительство проявило озабоченность в связи с возможными осложнениями непрочных взаимоотношений с Советским Союзом, особенно в период международной изоляции. Противление созданию объединенного Азербайджана следует рассматривать как шаг навстречу иранскому правительству, которое, со своей стороны, противится созданию курдского национального государства. Азербайджанская интеллигенция в Баку проявила гораздо больший интерес к связям с Турцией, с которой она находится в лингвистическом родстве, чем к Ирану, с которым ее объединяет принадлежность к шиитской традиции. Хотя в Баку и были символы ислама, такие как зеленые знамена и даже портреты Хомейни, движение в республике имело, скорее, националистический, нежели исламский характер, концентрируясь особенно сильно на понятии Азербайджана как этнической территории²⁰. Ислам и нация движутся в различных направлениях: первый — к всеобщему мусульманскому сообществу (умма); вторая — к этнической территории. Иногда они могут и объединяться в общенациональном движении, как, например, в Иране или Ираке. Но в данном случае знаменем азербайджанского национализма был, скорее, не ислам, а «армянская угроза», которая возбуждалась экономическим упадком, безработицей, всеобщим политическим бессилием и непосредственно дискредитированной правящей элитой, выведшей на улицы толпы людей на защиту территориальной целостности Азербайджана. Нагорный Карабах рассматривался как «центральная часть» Азербайджана, и в полемике, направленной против притязаний Армении, главным аргументом служила угроза расчленения родной земли.

Распад Советского Союза представляет для Ирана больше опасностей, чем благоприятных возможностей. Внутри своей страны Иран должен решить прежде проблему собственных азербайджанцев, которым при династии Пехлеви, а позднее и при муллах, не разрешалось иметь собственные школы. Хотя это, конечно, затормозило развитие и распространение различных видов национального или пантюркистского самосознания, проявленного населением северной части страны, потенциальная возможность стать самостоятельной нацией могла быть неожиданно реализованной²¹. Являясь самым большим меньшинством в Иране, азербайджанцы представляют собой относительно хорошо объединенную и процветающую часть общества. До настоящего времени они понимали, что в теократическом Иране будет решительно покончено с любыми сепаратистскими поползновениями.

Армяно-азербайджанский конфликт нашел свое отражение в турецкой прессе и политической жизни. Самые резкие голоса против армян в защиту своих «тюркских братьев» в Азербайджане исходили от политических и религиозных правых, например газеты «Терюман». Вскоре после вторжения в Азербайджан «Нью-Йорк Тайме» передала сообщение о проазербайджанских демонстрациях в турецком городе Игдир, близ армянской границы, а также в Стамбуле и Анкаре, участники которых выступали за ужесточение отношений с Советским Союзом²². Более спокойные голоса прозвучали после того, как прошел шок «черного января». В сентябре 1990 г. репортер из «Миллийет», любезно принятый в Армении, написал серию статей, которые призывали к улучшению отношений с армянами. В то время как многие армяне, проживающие в

²⁰ Hуman A. Soviet-Iranian Relations: The End of Rapprochement? «Report on the USSR», II, 4 (January 26, 1990). p. 17—18.

²¹ Для информации о растущих пантюркистских настроениях в Табризе см. H у m a n A. Soviet-Iranian Relations and the Two Azerbaijanians. «Report on the USSR», II, 2 (January 12, 1990), p. 15—16.

²² C o w e l l A. Turks at Rally Assail Soviet Moves. «New York Times», January 26, 1990, p. A7.

диаспоре, опасаются, что независимая Армения, брошенная на произвол судьбы русскими, может стать жертвой турецкой и азербайджанской агрессии, направляемой идеей пантюркистского объединения, турецкое правительство, кажется, обращает свои взоры не на Ереван, а на Европу. Ни один влиятельный турецкий политик не может не признать факта геноцида армян в 1915 г. со стороны Османской империи, поэтому многие сознают, что нападение на Армению еще более укрепит образ «ужасного турка», сложившийся в европейском мнении. Со времени послевоенных кризисов Турция и Иран научились жить со своим советским соседом в относительном спокойствии. Текущая ситуация чревата неопределенностью и угрожает срывом турецкой кампании по вступлению в Европейское сообщество.

Американцы в последующем тоже могут испытывать ностальгию по старому Советскому Союзу и его политике, которая, в общем, была по крайней мере последовательной и предсказуемой. Сегодня ситуация гораздо сложнее, так как все больше субъектов выходят на международную арену. И хотя роль предсказателя вряд ли подходит историку, *можно, не боясь ошибиться, предвидеть, что в ближайшем будущем появятся многочисленные центры принятия решений, независимые от Москвы.* Ясно, что сейчас не время для смелых шагов со стороны Соединенных Штатов. Американцы могут с выгодой для себя и осторожностью «просто сидеть, сложив руки, и смотреть, чем закончится драма»²³. Хотя Советский Союз на какое-то время будет более слабым государством, чем когда-либо со времен холодной войны, слишком рано предсказывать, что Россия не останется главным действующим лицом на мировой арене. Более того, *распад старого Советского Союза, возможно, будет (и надеемся, что будет именно так) предварительным условием для восстановления новой конфедерации в советском мире.* Более демократическое многонациональное государство или единая система государств будет представлять собой уникальный комплекс проблем и возможностей для Соединенных Штатов. Конец коммунизма означает конец антикоммунизма. Не без оснований можно рассчитывать на то, что пример революционизирования международных отношений через «новое мышление» будет заразителен.

I. Таблица. Сравнительная численность некоторых народов в СССР и за рубежом (в тыс. чел.)*

Национальность	СССР	За границей
Каракалпаки	423	2 (Афганистан)
Казахи	8138	800 (Китай)
Киргизы	2531	3 (Афганистан)
Таджики	4217	97 (Китай)
Туркмены	2718	25 (Афганистан)
Уйгуры	262	300 (Афганистан)
Узбеки	16686	400 (Иран)
		5000 (Китай)
		18 (Китай)
		1500 (Афганистан)

* См. Sheehy A. Ethnic Muslims Account for Half of the Soviet Population Increase «Report on the USSR», II. 3 (January 19, 1990) p. 16-18, Rorlich Azade-Ayse. Soviet Central Asians Look Towards Xinjiang». Ibid., I, 50 (December 15, 1989), p. 21-23.

²³ O l c u 11 M. B. Gorbachev's Nationalities Policy and Central Asia, p. 87—88.

II. Демографические тенденции, 1979—1989 гг.

Процент русских «в населении Советского Союза упал с 52,4 в 1979 г. до 50,8 в 1989 г.

Процент славян в населении Советского Союза упал с 73,97 в 1970 г. до 69,74 в 1989 г.

Русские эмигрировали из южных советских республик; значительно сократилось их число в Армении, Азербайджане, Грузии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане. Эта тенденция проявилась в 60-х годах в Закавказье и в 70-х годах в Средней Азии и является противоположной ситуации в Эстонии и Латвии, где славянская иммиграция в 80-х годах превышает прирост местного населения. Процент русских также значительно возрос в Белоруссии, Литве, Молдавии и на Украине.

Мусульманские и кавказские народы, а также молдаване увеличили свою долю во всем населении Советского Союза. Мусульмане Средней Азии вместе с азербайджанцами составляют 14,39% населения Советского Союза, армяне и грузины — 4%, молдаване — 1,17%, в то время как прибалтийские народы составляют только 1,94%.

Традиционно мусульманские народы, которые насчитывают 54 826 тыс. (исключая осетин, абхазцев, аджарцев и некоторых других немногочисленных народов), составляют 19,2% советского населения. Они имеют наибольший процент прироста населения, в то время как прибалтийские и славянские народы имеют наименьший процент прироста населения, ниже среднего прироста населения СССР в целом, в %:

Таджики	45,5	Армяне	11,5
Узбеки	34,0	<i>Советское население в целом</i>	9,0
Туркмены	34,0	Литовцы	7,6
Киргизы	32,8	Белорусы	6,0
Казахи	24,1	Русские	5,6
Азербайджанцы	24,0	Украинцы	4,2
Молдаване	13,0	Латыши	1,4
Грузины	11,6	Эстонцы	0,7

Тюркоговорящие народы — вторая по численности лингвистическая группа после славян — насчитывают 49 523 тыс. (17,3% советского населения) и увеличили свою численность несколько меньше, чем мусульмане в целом (темп прироста — 24,5%). Пять тюркских мусульманских народов, имеющих свои союзные республики, уменьшили темп прироста населения в 80-х годах, хотя он продолжает оставаться высоким.

Советское население в целом растет за год медленнее в 80-х годах, чем в 70-х, за исключением таджиков, молдаван, белорусов и латышей. Резкое падение темпов прироста населения в Армении вызвано, вероятно, последствиями землетрясения 7 декабря 1989 г. и эмиграцией в Соединенные Штаты.

Те нации, которые не имеют своих союзных республик и которые уменьшились в числе в 70-х годах, продолжают сокращать свою численность в 80-х годах (мордва, карелы, финны); численность евреев сократилась на 20%, хотя здесь основным фактором явилась эмиграция. Некоторые малые нации снова появились в последней переписи (месхетинцы, крымские татары, крымчаки), в то время как некоторые перестали сокращаться в своей численности (например вепсы).